

испанской истории, до кризиса монархического строя после Первой мировой войны. XIX в. был для Испании трудным: кровавая Война за независимость (1808–1814 гг.) и потеря огромной части заокеанских владений значительно ослабили ее международные позиции. Вместе с тем, “несмотря на стремление к нейтралитету и сохранению статус-кво, в Испании XIX в. сохранялись имперские амбиции... Это придавало ее внешней политике в некотором роде авантюрный и непоследовательный характер” (с. 129). Поражение в войне с США (“катастрофа 1898 года”) заставило Мадрид пересмотреть внешнеполитические установки. Во время Первой мировой войны Испания предпочла сохранить нейтралитет, который, вопреки устоявшимся представлениям, не имел прогерманского уклона, а напротив, был благожелателен к странам Антанты, что позитивно отразилось на месте Испании в послевоенном мире (с. 213).

Главы 9–13, написанные С.П. Пожарской, посвящены внешнеполитическому курсу Испании в годы Второй республики (1931–1936 гг.) и последующей эпохе франкизма. Особый интерес для читателя представляют разделы, рассказывающие о международных аспектах трагической гражданской войны 1936–1939 гг., а также о внешнеполитическом маневрировании франкистского режима в годы Второй мировой войны. В послевоенный период страна вследствие сохранения у власти диктатуры Ф. Франко была на долгие годы почти полностью изолирована от внешнего мира. “И хотя еще при жизни диктатора Испания (во многом благодаря тесному сотрудничеству с США) все же вышла из международной изоляции, полноценным членом международного сообщества она стала лишь после его смерти в 1975 г.” (с. 12).

Главы 14–21 подготовлены Н.Е. Аникеевой. Автор рассмотрела основные направления внешней политики Испании в постфранкистский

период (1976–2011 гг.), начиная со времени смены внешнеполитических ориентиров после смерти Франко до современного этапа, связанного с активной и многообразной деятельностью Испании на международной арене в начале XXI в. Проанализированы процессы присоединения Испании к ЕЭС и НАТО, развитие ее отношений с США, странами Латинской Америки, Ближнего Востока и Средиземноморья. Отдельная глава отведена рассказу о динамично развивающихся отношениях Испании и России, а также о политике Мадрида в отношении государств СНГ и Восточной Европы. Значительное внимание уделено острым проблемам, в частности, эволюции позиции Мадрида в иракском кризисе.

В учебнике имеются приложения: 16 исторических карт, список глав внешнеполитических ведомств, подробная хронология внешнеполитических событий (с. 463–475). Библиография содержит более 500 наименований (с. 480–502). Книга снабжена иллюстрациями.

К сожалению, С.П. Пожарская не успела осуществить сквозное редактирование книги, что обусловило некоторую разнородность глав. В целом же коллектив авторов можно поздравить с творческим успехом. Созданный ими учебник является одновременно и научным трудом, отражающим высокий уровень отечественной испанистики.

Авторам удалось показать многосторонние взаимосвязи внешней и внутренней политики Испании, органично вписать анализ внешней политики в широкий международный контекст. Учебник, написанный живым, доступным языком, станет важным подспорьем для студентов. Книга будет полезна всем, кто интересуется международной политикой и историей Испании.

А. Ю. Сидоров,
кандидат исторических наук,
доцент МГИМО – Университета МИД РФ.

Ю.А. Борисёнок. НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX века. М.: ООО “Родина Медиа”, 2013, 352 с.

Вышла в свет новая монография доцента кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ и главного редактора журнала “Родина” к.и.н. Ю.А. Борисёнка. Автор дает критику историографии по теме исследования, выявляет малоизученные сюжеты, рассматривает истоки белорусского вопроса и изучает потенциал его решения. В книге также проявляется соотношение “между

административно-государственными и этнополитическими механизмами модернизации” и ведется “поиск прочных связующих элементов между политикой белорусизации, оформлением границ БССР и польским фактором внешней и внутренней политики СССР” (с. 7).

В отличие от белорусского историка Р.П. Платонова, который считал события 1929–1931 гг. крутым поворотом белорусской истории, автор

рассматривает в этом качестве также 1923–1924 и 1938–1945 годы.

Предисловие содержит краткий обзор фундаментальных работ по истории белорусского вопроса в российской, польской и белорусской историографии и анализ новейшей литературы по теме исследования.

Первая глава монографии посвящена генезису белорусского вопроса и его аспектам до начала XX в. Отмечая, что белорусские земли были пространством пограничья, Ю.А. Борисёнок рассматривает историю вхождения белорусских земель в состав Российской империи. Автор приходит к выводу, что интерес России к белорусскому населению был прагматическим; специальных неформальных усилий для его русификации российские чиновники не прикладывали.

Первые десятилетия XIX в. усилили польское культурное влияние в белорусских землях. Благодаря политике Александра I в сфере образования, деятельности Виленского университета, шла колонизация не только местной шляхты, но и городских слоев. Ликвидация Брестской церковной унии в 1839 г. стирала юридические и конфессиональные границы между русскими и белорусами, однако отсутствие русскоязычных земских школ мешало проникновению русского влияния в народную среду. “Отчаянная борьба с польскими интересами” консервировала традиционные ценности белорусского крестьянского мира и не давала широко проникнуть в него и собственно “русскому духу”. При этом были широко распространены процессы “авторусификации” и, в меньшей степени, “автополонизации”.

Если для Польши белорусские территории так и остались “отнятыми землями”, которые поляки требовали вернуть в рамках проектов по восстановлению границ 1772 г., то российская традиция “России единой и неделимой” не забывала о регионализме. Более того, именно в среде сторонников М.Н. Каткова зародилось течение “западноруссизма” во главе с М.О. Кояловичем, который, выступая за то, чтобы оторвать крестьянские массы “большого пограничья” от поляков, уже в 1863 г. признавал существование местного наречия, среднего между польским и русским. Невозможность “вылепить из белорусского мужика великоросса” признавал в 1881 г. и И.С. Аксаков, предлагая ввести обучение в начальных школах по-белорусски, а уж затем учить и по-русски, что, как подчеркивает Ю.А. Борисёнок, уже близко к идеям большевистской белорусизации. Именно на эту “западнорусскую” традицию, имевшую свою культурную базу (этнографические исследования, карты, изучение языка) – опирались как деятели белорусского

национального движения, так и большевистские лидеры в своей модернизационной, но в то же время традиционной белорусской политике.

Биографии деятелей XIX – начала XX в. иллюстрируют запутанность исторических русско-польских пересечений на белорусских землях. Биография “патриарха славяноведения” И.И. Костюшко – первый пример того, как выполнялись поставленные наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным задачи коренизации: из “народной толщи” поднялись способные молодые люди, составившие местную советскую элиту (К.Т. Мазуров, П.М. Машеров), имевшую весьма неплохие перспективы и в общесоюзном масштабе (М.В. Зимянин, А.А. Громыко).

Особый интерес вызывает анализ автором появления и трансформации образа К.В. (Кастуся) Калиновского. Миф советской эпохи о том, как Калиновский, участник январского восстания 1863–1864 гг., стал белорусским национальным героем, прошел несколько этапов в своем развитии. Впервые такая трактовка его деятельности встречается в наследии одного из основоположников белорусского национального движения В.Ю. Ластовского. Затем образ народного героя, врага польских помещиков и защитника белорусских крестьян оказался востребован в конце 1920-х годов в связи с “борьбой за души” в Западной Белоруссии. Во время Великой Отечественной войны образ Кастуся трансформировался в очередной раз: герой борется уже не с поляками, а с немцами. В соответствии с требованиями эпохи Кастусь идет трактористом в колхоз (стихи Петруся Бровки). Именем Кастуся был назван партизанский отряд в Западной Белоруссии, где у советского партизанского движения был мощный конкурент в лице Армии Крайовой.

Вторая глава посвящена развитию белорусского вопроса в начале XX в. В этот период белорусский вопрос продолжал развиваться в традиционных координатах польско-русского соперничества. Торжеству русификации мешали низкая урбанизация и неспособность наладить массовое начальное образование; доминированию процессов колонизации препятствовало высокомерное отношение польских политических деятелей к перспективам национального и культурного развития белорусов (с. 87–88).

Однако события 1920-х годов показали, что самым важным для создания государства являлась не культура и язык, а “ясная политическая воля”, причем даже не самого белорусского народа. Предложенный Сталиным вариант создания и распространения белорусского языка основывался, по аналогии автора, на рецепте

деятеля сербского национального возрождения Вука Караджича: литературный язык был создан не на базе искусственных построений типа церковнославянского или субстратах чужого языка, а на основе народных говоров. В конце 1920 г. Сталин и поддержавший его нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин настаивали на придании советской Белоруссии белорусского национального облика. Однако это было связано не столько с исполнением идеологических решений ВКП(б) по национальному вопросу или с волей деятелей белорусского национального движения, сколько с “большой игрой” на пограничье с поляками, которые в перспективе могли, в случае жесткой политики советской власти, сами овладеть национальным движением¹.

Белорусизация начала 1920-х годов, при всей ее противоречивости и часто формальном исполнении, все же позволила языку и нации, обреченным на исчезновение, стать языком и нацией крупного восточноевропейского государства, имеющего развитую экономику и культуру.

Третья глава монографии посвящена сюжетам XX в. Разделение белорусской территории на западную и восточную части в результате Рижского договора 1921 г. подготавливалось с начала XX в. размыванием белорусской идентичности двумя противостоящими тенденциями – “естественной русификацией” и культурной полонизацией (с. 116–117).

Такое положение дел привело к тому, что в период мировых потрясений начала XX в. ни германские власти, ни лидеры большевиков, белорусское движение в расчет не принимали, хотя оно, аналогично прочим движениям национальных окраин, быстро прошло путь от автономистских планов до требования независимости. Ограниченная поддержка белорусского школьного образования германскими оккупационными властями во время Первой мировой войны имела прежде всего антипольский характер. Не отягощенное глубокими этнографическими познаниями отношение германских властей к населению белорусских земель было в полной мере воспринято и в Советской России сторонниками “курса Свердлова-Иоффе”, которые не смогли “найти белоруса” в бывших белорусских губерниях. Иного мнения по белорусскому вопросу придерживался Сталин. Он, по мнению автора, исходил скорее из дореволюционной традиции и вскоре стал главным арбитром в белорусских вопросах.

¹ Борисёнок Ю.А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы. – Новая и новейшая история, 2013, № 6.

Автор характеризует становление белорусской территории в составе советского государства как последовательность эпизодов “укрупнения” и “урезания”. Первый этап оформления восточных и западных границ был завершен Рижским договором 1921 г. Вопрос об укрупнении БССР был поднят в 1923 г. Ю.А. Борисёнок, опираясь на новые архивные источники и полемизируя с белорусскими историками, в частности с С.Н. Хомичем, считает ключевым в инициировании этого вопроса “польский фактор”, а вовсе не требования белорусских коммунистических лидеров.

В монографии подробно рассматриваются более широкие причины интереса к белорусским границам, связанные с политикой коренизации национальных республик. Автор считает процесс белорусизации даже более важным, чем формальный перенос границ БССР на восток, оформленный в марте 1924 г.

При обсуждении проблемы белорусизации возникает вопрос о том, была ли эта политика добровольной или насильственной. Центром “великодержавного” сопротивления белорусизации стал присоединенный к БССР в 1924 г. Полоцк, но и в других районах первоначальные успехи белорусизации были более чем скромными: даже студенты БГУ с большим трудом переходили на белорусский язык (с. 153). Сопротивление, однако, было пассивным, как и ответные действия властей: даже отличившихся в протестах “старорежимных учителей” оставляли преподавать за неимением других педагогов (с. 152). В этом контексте интересен противоположный пример, приведенный автором: польскоязычные белорусы превратились из потенциальных поляков в белорусов без специальных усилий, что было особенно заметно на фоне происходившего в то же время в Польше обратного процесса, который продвигался гораздо тяжелее и вызывал значительное сопротивление (с. 144).

Достоинством работы можно назвать анализ автором альтернативных путей исторического развития “белорусского вопроса”. Полной противоположностью коренизации стала политика межвоенных польских властей в этом вопросе. В Польше делалась ставка на ограничение белорусскоязычного образования, и вообще белорусской культуры. В 1930-е годы желающих учиться по-белорусски считали пособниками коммунистов, а к 1940 г. польские власти призывали достичь 70% преобладания на восточных окраинах “истинно польского элемента”. Будь у сторонников ассимиляции в запасе еще лет 20, считает автор, они вполне могли бы добиться своих целей, однако сентябрь 1939 г. перечеркнул все их планы.

Один из разделов третьей главы посвящен последней попытке изменения белорусских

границ, которая, правда, не состоялась. В июле 1944 г. советские руководители Г.М. Маленков, А.А. Жданов, А.А. Андреев, А.С. Щербаков предложили Сталину план образования в составе РСФСР новой области – Полоцкой. Архивные документы по этой проблеме впервые привлекаются к исследованию. Возможно, что одним из авторов идеи был и “собираатель белорусских земель” П.К. Пономаренко. Связывая очередное изменение белорусских границ с решением виленского вопроса, Ю.А. Борисёнок делает предположение, что план был таков: вывода из состава БССР освобожденный от немцев Полоцк, “отец народов” должен был бы компенсировать республике эту потерю, включив в ее состав Вильно, чье пребывание в составе Литвы до войны, с точки зрения советских интересов, себя не оправдало. Помешала осуществить этот план “польская интрига”: в июле 1944 г. польские коммунисты во главе с В. Василевской обратились к Сталину с просьбой передать в состав социалистической Польши Белосток с окрестностями. Пойдя навстречу этим пожеланиям, Сталин урезал территорию БССР на западе, оставил в составе республики Полоцк и, фактически, поставил крест на существовавших еще с начала 1920-х годов мечтах о Вильно как главном городе на белорусских землях. В результате границы БССР были окончательно определены советско-польским договором от 16 августа 1945 г. Таким образом, именно польский фактор в 1920–1940-е годы заставлял советское руководство в зависимости от политической конъюнктуры то увеличивать, то уменьшать белорусскую территорию.

Несмотря на длительную территориальную неопределенность, описанные автором “крутые повороты” в послевоенные годы все же вывели белорусскую государственность на магистральное направление ее развития. Белорусизация принесла свои реальные долговременные результаты. В 1945 г. БССР в составе СССР стала одним из соучредителей ООН, что превратило республику в постоянно существующий фактор политического устройства мира; в послевоенное время началась модернизация белорусской экономики.

Работа снабжена обширным архивным приложением. Впервые вводятся в научный оборот документы, в которых отражены мотивы принятия советским руководством решений по двум основным проблемным блокам: белорусизации и формированию территории БССР.

Монография Ю.А. Борисёнка – первая работа российского историка, содержащая подробный и всесторонний анализ политики белорусизации, ее причин и результатов. Автор на высоком научном уровне рассматривает основные вопросы формирования белорусской государственности, намечает дальнейшие пути исследований этой проблемы. Труд Ю.А. Борисёнка послужит стимулом для дальнейшего изучения белорусской истории в контексте многосторонних отношений и соперничающих национальных проектов первой половины XX в.

Д.А. Короткова,
аспирант исторического факультета МГУ;
М.С. Павлова,
кандидат исторических наук, преподаватель МГИМО(У).

Б.Л. Хавкин. РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР. ВТОРОЙ ПОСЛЕ ГИТЛЕРА. М.: Алгоритм, 2014, 224 с.

О рейхсфюрере СС Генрихе Гиммлере, который играл в нацистской Германии вторую после Гитлера роль, написано значительно меньше работ, чем о других нацистских “вождях”. Однако интерес к этой мрачной фигуре сохраняется до сих пор. В конце января 2014 г. израильская и германская печать впервые опубликовала сенсационные материалы: выдержки из неизвестной переписки Гиммлера с женой. Письма и дневники главы СС были обнаружены в скромной тель-авивской квартире. Коллекция включает 273 письма, 8 дневников и 137 фотографий Гиммлера с семьей. Экспертиза Федерального архива Германии

подтвердила подлинность этих документов. В Берлине готовится к публикации книга Катрин Гиммлер, внучатой племянницы Гиммлера, о частной жизни этого семейства¹.

Личность Гиммлера, который, оставаясь за кулисами политической сцены Третьего рейха, руководил чудовищной машиной массового уничтожения людей, требует специального изучения. Ответ на вопрос, как эта серая заурядность достигла вершин власти и превратилась в кровавое чудовище, дает книга профессора Российского государственного

¹ Едиот ахронот, 26.I.2014, Die Welt, 29.I.2014.